

**IGOR
ANDRYUSHCHENKO
DNEPROPETROVSK,
UKRAINE**

01

Casting my mind a long time back, I have to say that, of course, I had a wonderful childhood. The sort of childhood that happens only once in a lifetime. Full of toy cars, Meccano kits and constant pleas of “Daddy, buy me this one, I have been dreaming of it all my life.” Naturally, I did dream for the whole of my five (or however many it was at the time) years. Today, my mother often says that I waste my money on rubbish, and know nothing of the effort it takes to earn it. She tells me that I can’t remember the 90’s, when for the whole summer we had nothing to eat other than marrow roasted with potatoes which we grew at the dacha, when we had no money to buy bread, and paid our school fees later than everybody else in my class. At class meetings, I stood up and recited a sentence I had long since learned by heart: “My parents haven’t had their salaries paid for a long time, we will pay later.”

Of course I had a carefree childhood. Perhaps that’s why today my mother tells me that, to provide for me and my brother, she spent almost fifteen years working in a factory, never thinking about her career. In the summer, we had to survive until the next payday. Daddy kept thinking up new names for marrow and potato stew – “Fantasy Fricassee 34!” he would call out. I would sit down to supper and try to decide how this one differed from the one we had for breakfast and lunch. I understand now that only the names were different. A week later, the fantasy fricassee would acquire a different number, and I would experience it as an exquisite new creation. As I said, I was a very good child.

Of course I had an amazing childhood. While my parents were picking marrows or digging for potatoes at the dacha, my brother and I played in the sandpit with not a care in the world. One day Daddy brought home some sand and stones to build us a playhouse, but then quite different problems emerged and the playhouse had to be abandoned. But the sandpit remained, and it was just as remarkable as our childhood.

02

When I got a little bigger, it turned out that my parents wanted their son to become a programmer and go to work in America or Germany. I had to learn English and give a lot of thought to the future. I believed that the day would certainly come when I would see Paris, London and Venice. I fell in love with the Eiffel Tower, Big Ben and St. Mark’s Square that I saw on television. My Europe was fabulously beautiful and fabulously close – no further than the length of my arm stretching out to the control panel. Whenever my imagination took me flying over Paris in my glider, daddy would sigh that in the past everything had been much simpler, and much more stable. Today, he is still a university lecturer, still does his science and has never once gone abroad since the fall of the Iron Curtain.

I found out about the Fall of the Wall in my German class. Then came a teenage fascination with rock and Pink Floyd, who sang about “another brick in the wall”. At the time I thought how lucky that the song was not about me, since I was living in another time, and living in Europe. I listened to rock, I spoke English, I wore second-hand clothes which, if the sellers were to be believed, they had brought straight from England, and at a pretty steep price.

In Ukrainian and history classes we were often told that Ukraine is the geographic centre of Europe. Actually, this seemed quite incredible. It seemed that all you had to do was to get into a train one evening, and you would get out at a London station the next morning. You would get out, take off your imaginary hat, smile and say “Have a nice day!” to the first person you saw. That was the Europe of my childhood.

Has anything changed since then? Basically nothing.

I acquired a passport and several visas. Whereas in the past I could change countries by pressing a button on the television panel, now I could do it by turning the wheel of my rented car.

We who were born in '89, have remained children forever. We grew in the shade, deprived of light and fertile soil, but with a huge store of freedom in our lungs. When we became the children of '89, even the Universe which emerged after the Big Bang became as nothing compared to the universes which emerged here after the Great Fall. The Wall gave up the ghost and fell on our heads as our first cry was heard in the maternity ward – but no one explained this to us. “Live on earth as if it were paradise,” unknown teachers said to us, and we believed them. We were all like growing trees which had to push through the whole thickness of the concrete of history and the blood congealed on it. Year after year, we unfurled our leaves, pushed to the outside, greened in the summer and waited for the thaw in the winter. We didn't know how to live without that fallen wall pressing against our backs. It was our dead mother, and we were its living children. Its weight made us strong, its barbed wire and broken glass taught us to fight and bare our teeth. For a long time we, its children, were afraid to emerge from the shadow of its camouflaging colours. But time passed, and one day it took its heavy hand away and whispered to us from the world beyond: “Fly, my dears, there is nothing more to hold you.”

Immediately we rushed for the trains, feverishly packed our suitcases and leapt into the first available planes to make sure that when we woke up next morning, we would be in Europe. But then it turned out that we didn't know in which hand to hold the fork at lunch, that we were dirty and unkempt, and that our English left much to be desired. Europe saw the blooming young Ukraine of our dreams, with flowers in her hair, as a morose, taciturn woman in a threadbare coat. Life had not stood still for twenty years on the other side of the fallen wall. New walls kept falling – new countries joined the Schengen Agreement and a common currency appeared. We, the young, green trees, suddenly understood that we had emerged into a big and shady forest. It was time to reach for the sun, to grow to the crowns of the tallest English, French and Italian trees. They bowed over us and told us in whispers what to do and how to do it. There had been a time when they too were small and fragile. But we, the children of the Wall, had something to teach them too. We knew what it meant to force our way from the centre of the Earth to the surface, we knew how hard it was to earn money and we knew with absolute certainty what we wanted

and what price we were willing to pay to get it. The priceless experience acquired during the twenty years of life under the fallen wall would now be our passport to Europe.

04

“Igor, there is no doubt that you will become a programmer and will go to work in the States,” my parents frequently said to me. And then, having thought a bit, they added “or in Germany”.

But the Wall has changed me. In spite of my age, I have now managed to become a reasonably successful Ukrainian journalist. I have the Wall to thank for my character and my single-mindedness. And I am proud that I can say about myself and about others like myself that we are the children of '89. Today, we are emerging from the shadows knowing what needs to be done to make sure that our children will live in New Europe. We are maximalists and fatalists. For us, “Europe” means “destiny”. It will be the best destiny for everyone – the Serbians and the Albanians, the Germans and the French, the Ukrainians and the Poles.

I have said that I had a wonderful childhood. This is why I will do everything to make sure that my children stay in Ukraine. A European Ukraine. We will spend our holidays in London, and our weekends in Athens or Rome. And while my children contemplate the Acropolis or the Coliseum, I will say quietly to myself “Thank you, Wall, for everything.” “Dad, is it true that our life used to be the worst in the whole of Europe?”, my son will ask, pulling at my shirt. And I will answer “Don't listen to them. It was an amazing time.”

'89

We, the children of '89, are already standing at the door of the Europe of our childhood, where everybody smiles at one another and wishes each other a good day, the Europe which has no borders and no walls. The last wall is the border of the European Union. But there will come a day when even that will dissolve. It will not fall, crushing yet another generation underneath. It will simply smile and, taking French leave, it will disappear.

This is why we have all really had a wonderful childhood.

 ya.eto.ty@bigmir.net

ИГОРЬ АНДРЮЩЕНКО

ДНЕПРОПЕТРОВСК (УКРАИНА)

01

Возвращаясь на много лет назад, хочу сказать, что, конечно, у меня было замечательное детство.

Такое детство, которое бывает только раз в жизни.

С машинками, конструкторами, с вечными просьбами:

«Папа, купи мне вон ту игрушку, я всю жизнь о ней мечтал». Конечно же, мечтал все свои пять (или сколько там их тогда было) лет. Сегодня моя мать часто говорит, что я трачу деньги впустую и не знаю, какой ценой они зарабатываются. Она говорит мне, что я не помню девяностых, когда мы все лето ели только жаренные с картошкой кабачки, выращенные на даче. Когда не было денег купить хлеба, а за школьное обучение приходилось платить позже всех в классе. Во время собраний класса я вставал и говорил давно заученную фразу: «Родителям зарплату не платят, мы позже сдадим».

Конечно, у меня было беззаботное детство. Может быть, поэтому сегодня моя мать говорит мне, что ради нашего с братом благополучия она едва ли не пятнадцать лет работала на заводе, совершенно не думая о карьере. Летом нужно было дожидаться до следующей зарплаты. Папа придумывал названия для рагу из кабачков и картошки. «Каляка-маляка номер 34», – говорил он. Я садился за ужин и пытался найти отличия от того рагу, которое мы ели на завтрак и обед. Сейчас мне понятно, что разными были только названия. Через неделю «каляка-маляка» меняла номер и становилась для меня новым изысканным блюдом. Я был очень хорошим ребенком.

Конечно, у меня было невероятное детство. Пока родители собирали кабачки или копали картошку на даче, мы с братом беззаботно играли в песочнице. Папа когда-то привез камней и песка, чтобы построить домик, но позже у него возникли совсем другие заботы, и о доме пришлось забыть. Зато осталась песочница, такая же замечательная, как и наше с братом детство.

02

Когда я чуть подрос, оказалось, что родители хотят, чтобы их сын стал программистом и уехал работать в США или Германию. Мне приходилось учить английский и много думать о будущем. Я верил, что когда-нибудь обязательно

увидю Париж, Лондон, Венецию. Я влюбился в увиденные по телевизору Эйфелеву башню, Биг Бен и площадь Сан-Марко. Моя Европа была сказочно красивой и сказочно близкой – всего лишь на расстоянии вытянутой до пульта руки. Каждый раз, когда я мысленно летал на дельтаплане над Парижем, папа вздыхал, мол, раньше все было намного проще, намного стабильнее. Он до сих пор работает преподавателем в университете, занимается наукой и ни разу с тех пор, как железный занавес упал, не выехал за границу.

О падении Стены я узнал в седьмом классе на уроке немецкого. Потом было подростковое увлечение рок-музыкой, были Pink Floyd, которые пели об еще одном кирпичике в стене. Тогда подумалось, что песня эта, к счастью, не обо мне. Я ведь живу в другое время, я живу в Европе. Я слушаю рок, я знаю английский, я хожу в одежде second-hand, которую, если верить продавцам, привезли из Англии – и это чертовски круто.

На уроках украинского языка и истории нам часто говорили, что географический центр Европы находится в Украине. И это было просто невероятно. Казалось, достаточно сесть вечером на поезд, чтобы утром выйти где-то на лондонском вокзале. Выйти из вагона, снять воображаемую шляпу, улыбнуться и сказать «Have a nice day!» первому встречному. Вот такой была Европа моего детства.

03

Изменилось ли что-то с тех пор? В сущности – ничего. У меня появился паспорт и несколько открытых виз. Если в прошлом страны менялись нажатием на кнопку пульта телевизора, то теперь – поворотом руля арендованного автомобиля.

Мы, рожденные в 89-м, навсегда остались детьми. Мы росли в тени, лишенные света и плодородной земли, но с огромным запасом свободы в легких. Когда 89-й стал нашим отцом, даже Вселенная, которая возникла после Большого взрыва, превратилась в ничто по сравнению со вселенными, возникшими в нас после Большого падения. Стена испустила дух и упала нам на головы одновременно с первым нашим криком в роддоме – но этого никто нам

не объяснил. «Живи так, будто на земле рай», – сказали нам неизвестные учителя, и мы им поверили. Мы все были, как растущие деревца, которые должны пробиться сквозь всю толщину исторического бетона и запекшейся на нем крови. Год за годом мы расправляли свои листья, рвались наружу, зеленели летом и ждали оттепели зимой. Мы не понимали, как можно жить, если у тебя на плечах нет этой поваленной стены. Она была нашей мертвой матерью, а мы – ее живыми детьми. Ее вес сделал нас сильными, ее колючая проволока и битые стекла научили нас драться и показывать зубы. Мы, ее дети, долго боялись выйти из-под тени камуфляжного цвета. Но прошло время – и однажды она убрала свою тяжелую руку и прошептала нам с того света: «Летите, мои дорогие, теперь вас ничего не держит».

И мы сразу бросились на вокзалы, сломя голову собрали чемоданы и прыгнули в удобные самолеты, чтобы встретить следующее утро уже в Европе. Но вдруг оказалось, что мы не знаем, в какой руке держать вилку за обедом, мы грязны и непричесаны, а наш английский оставляет желать лучшего. Цветущая в наших снах девушка Украина с венком из цветов на голове, в глазах Европы оказалась угрюмой и неразговорчивой женщиной в потертом пальто. Двадцать лет жизнь по ту сторону упавшей стены не стояла на месте. Пали новые и новые стены – был расширен Шенген, введена общая валюта.

Мы, молодые и зеленые деревца, вдруг поняли, что проросли в большом и тенистом лесу. Теперь настало время пробиться к солнцу, вырасти до уровня крон самых высоких английских, французских, итальянских деревьев. Они наклоняются над нами и шепчут, как и что делать. Когда-то они были такими же маленькими и хрупкими. Но нам, детям Стены, тоже есть, чему их научить. Мы знаем, что значит пробиваться из самого центра Земли на поверхность, мы знаем, чего стоят заработанные деньги, и мы абсолютно четко понимаем, чего хотим и какую цену готовы отдать за это. Бесценный опыт, полученный за двадцать лет жизни под упавшей стеной, – вот наш пропуск в Европу.

04

«Игорь, ты точно станешь программистом и уедешь работать в Штаты», – часто повторяли мне мои родители. И добавляли, подумав: «Или в Германию».

Но Стена сделала меня другим. Сегодня, несмотря на свой возраст, я успел стать достаточно успешным украинским журналистом. Я обязан Стене своим характером и целеустремленностью. И я горжусь тем, что могу сказать о себе и о таких, как я, – дети 89-го. Сегодня мы выходим из тени со знанием того, что нужно сделать, чтобы наши дети жили в Новой Европе. Мы – максималисты и фаталисты. Европа для нас – синоним слова «судьба». И это будет лучшая судьба для всех – сербов и албанцев, немцев и французов, украинцев и поляков.

Я уже говорил, что у меня было прекрасное детство. Именно поэтому я сделаю все, чтобы мои дети остались жить в Украине. Европейской Украине. На каникулы мы будем ездить в Лондон, а на выходных летать в Афины или Рим. «Стена, спасибо тебе за все, что ты для меня сделала», – прошепчу я, когда мои дети будут рассматривать Акрополь или Колизей. «Пап, правда, что раньше мы жили хуже всех в Европе?», – спросит сын, дергая меня за рубашку. «Не слушай никого. Это было замечательное время, милый», – отвечу я.

89

Мы, дети 89-го, уже стоим у дверей Европы нашего детства. Европы, где все улыбаются друг другу и желают хорошего дня. Европы без границ и стен. Последняя стена – это граница Евросоюза. Но придет день – и она растворится. Она не будет падать, придавливая собой еще одно поколение. Просто улыбнется и по-английски, не прощаясь, исчезнет.

Потому что у нас всех было действительно чудесное детство.

ya.eto.ty@bigmir.net